

Интервью

УДК 378.4.016:2

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-26-38

Корни и крона: как физик стал лириком и основал Центр изучения религий

Интервью с кандидатом культурологии, профессором,
директором Учебно-научного центра изучения религий РГГУ
Н.В. Шабуровым

Для цитирования: Корни и крона: как физик стал лириком и основал Центр изучения религий: интервью с кандидатом культурологии, профессором, директором Учебно-научного центра изучения религий РГГУ Н.В. Шабуровым / Интервью провела Л.Г. Жукова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2023. № 2. С. 26–38. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-26-38

Roots and crone. How a physicist became a lyricist and created the Center for the Study of Religions

Interview with Nikolai V. Shaburov,
Cand. of Sci. (Cultural Studies), professor,
director of the Center for the Study of Religions,
Russian State University for the Humanities

For citation: “Roots and crone. How a physicist became a lyricist and created the Center for the Study of Religions. Interview with Nikolai V. Shaburov, Cand. of Sci. (Cultural Studies), professor, director of the Center for the Study of Religions, Russian State University for the Humanities. Interviewed by L.G. Zhukova”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 26–38, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-26-38

В связи с юбилеем Николая Витальевича Шабурова мы поговорили с ним о его семейных и профессиональных корнях, о том, как увлечение Французской революцией сменилось на интерес к религии, и о том, что современные студенты не так уж отличаются от своих предшественников.

Николай Шабуров: Думаю, вам прежде всего бы хотелось узнать, как я дошел до жизни такой? Когда я был маленьким, у взрослых была установка, что из меня надо делать технаря, физика, математика, считалось, что для мальчиков это лучше. Так думал и дедушка, у которого я рос в Тбилиси: он был инженером с огромным интересом к теоретической физике и математике, папа – инженер, мама, хоть и преподавала всю жизнь историю в техникуме, но тоже разделяла это мнение. Но я помню, как она вдруг стала мне рассказывать про восстание Спартака, и меня это глубоко поразило. Мне было тогда лет пять. Когда я учился в первом классе, а моя любимая кузина училась в четвертом, я прочитал учебник истории за 4-й класс, мне это было интересно читать. И другая книга меня вдохновляла – том детской энциклопедии, посвященный истории. С таким же интересом я читал тома, посвященные географии, литературе и искусству. Другие тома меня не интересовали. Потом я увлекся детскими историческими повестями, их довольно много выпускалось – как советских авторов, так и переводные. Были детские переложения Плутарха – «Знаменитые греки», «Знаменитые римляне», «Слава далеких веков» Симона Маркиша – тоже избранные биографии Плутарха в переложении для детей. А еще был такой историк Рима – Александр Немировский, у него была детская повесть «Слоны Ганнибала», Мария Сергеенко, переводчик «Исповеди» Августина, у нее была повесть «Падение Икара» про диктатуру Суллы и многое другое.

Были сюжеты, которые меня особенно занимали, – я увлекся декабристами, прочел повесть Михаила Слонимского «Черниговцы», «Из искры пламя» Сергея Голубова. Это все меня очень интересовало, как и русское освободительное движение в целом – народники, народовольцы. А в 10 лет у меня началось безумное увлечение Французской революцией, хотя я читал и исторические хроники Шекспира, и исторические романы Вальтера Скотта (его я очень любил и глотал том за томом). Увлечение Французской революцией связано со сломом стереотипа. Мой двоюродный дедушка перечитывал роман Анатоля Франса «Боги жаждут» и по ходу высказывался о Французской революции, и его суждения очень отличались от того, что я прочитал в детской энциклопедии. Он говорил, что революцию устроили негодяи, кровопийцы, а я-то считал Марата, Робеспьера, Сен-Жюста героями! Меня

это настолько заинтересовало, что я решил разобраться. Но как? У родителей была в основном художественная литература. Я прочитал «Драмы революции» Ромена Роллана, «Повесть о двух городах» Диккенса, «1793» Виктора Гюго, «Боги жаждут» Анатоля Франса, и я заболел французской революцией. Позже прочитал и исторические труды – «Женщины эпохи Французской революции» Галины Серебряковой, «Политическую историю Французской революции» Олара, «Историю Французской революции» Тьера в восьми томах (на французском языке) и т. д. Насколько во все это погрузился, увлекся, что до сих пор, честно говоря, о Французской революции знаю почти все.

К 9–10-му классу родители смирились с тем, что я гуманитарий, а я знал, что пойду на Исторический факультет МГУ и буду заниматься Французской революцией, к тому же я учился во французской спецшколе, хорошо знал французский язык. Как видите, все это далеко от того, чем я сейчас занимаюсь, хотя античностью я тоже увлекался – особенно вдохновила меня «Хрестоматия по истории Древнего Рима», потом попалась книга замечательного историка-византиниста Александра Каждана «От Христа к Константину» про раннее христианство. Она была написана в советской парадигме, но талантливо написана. Я из нее узнал о Тертуллиане, Оригене, гностиках.

И вот я поступил на Истфак МГУ в 1970 году. Было очень тяжелое лето, я много готовился, очень переутомился, и как-то это отразилось на моей нервной системе. Когда я поступил, у меня наступило разочарование – я теперь студент МГУ, и что? С удивлением обнаружил, что это разочарование касается моего интереса к Французской революции. Передумал решительно к концу 1-го курса. Это было связано с тем, что сначала я стал слушать факультатив по античной литературе, который вел филолог-классик Андрей Чеславович Козаржевский. Мне это показалось страшно интересным. От Козаржевского я услышал доселе мне неизвестное имя – Сергей Аверинцев, а во втором семестре был факультатив Аверинцева, который назывался «Эстетика Византии». Большого желания слушать об этом у меня не было, я не особенно интересовался историей Византии, а тут вдруг какая-то эстетика. Это, как если бы меня вдруг меня пригласили на факультатив, посвященный норвежскому балету. Но все же решил сходить на первую лекцию. Думаю, что мало что в жизни произвело на меня такое впечатление, как эта лекция Аверинцева. Я был сражен, это казалось невероятным расширением перспективы. И я понял, что не буду заниматься Французской революцией и пойду на кафедру истории Древнего мира (распределение по кафедрам было после 2-го курса). Так возник интерес

к раннему христианству и близким сюжетам. Я начал учить греческий у жены Аверинцева – Наталии Петровны Зембатовой.

Я осознавал уже тогда, что трудно в советской ситуации заниматься историей христианства, это была идеологизированная тема. Я всем говорил, что буду специализироваться по Древнему Риму. Ну и в самом деле – моя дипломная работа была посвящена «Речам о царской власти» Диона Хризостома, греческого политического оратора времен ранней римской империи. Я считаю, что у нас была выдающаяся группа на кафедре истории Древнего мира. В этой группе был Георгий Чистяков, который занимался греческой историей, в будущем известный священник (отец нашего преподавателя Петра Чистякова), Александр Столяров, который занимался Августином, потом написал книгу о патристике, труды об античном стоицизме, Эдуард Юнц, который был замечательным переводчиком с древних языков.

А потом встал вопрос – что дальше? Меня брали в аспирантуру в Институт востоковедения АН. Чтобы выбрать тему, я поехал в Ленинград – в тамошнее отделение Института востоковедения, где работал Саурмаг Какабадзе, муж нашей родственницы, который познакомил меня с выдающимися учеными – я встречался с папирологом Ицхаком Фихманом, с египтологом Олегом Берлевым, с Никитой Мещерским, который был и классик, и гебраист, и славист. Он, в частности, подготовил издание славянского перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Тему я так и не выбрал и вернулся в Москву в смятении. Пошел в Институт всеобщей истории АН, к Марианне Казимировне Трофимовой, которая тогда уже занималась переводом рукописей Наг-Хаммади с коптского, и попросил совета – чем мне заняться? Она мне сказала: «А займитесь Герметическим корпусом». Не могу сказать, чтобы я хорошо представлял себе, что это такое. Стал читать литературу, увлекся, и это определило все дальнейшее. Работа шла медленно, трудно, но в конечном итоге это стало темой моей кандидатской диссертации, а Марианна Казимировна так и осталась для меня учителем с большой буквы на всю жизнь.

Времена были затхлые – 70-е, первая половина 80-х – занятия подобного рода не очень поощрялись. Меня распределили в библиографический отдел Исторической библиотеки, это было очень скучно. Мы делали библиографические указатели для школьников – что читать по истории и пр. Были не очень хорошие времена, отдушиной была аспирантура, семинары. Возникла такая Комиссия по античной культуре. Я ходил на два семинара, один вел Георгий Кнабе, он был посвящен римской культуре, а другой – им руководил Иван Рожанский – был посвящен античной философии и науке. Я познакомился с такими людьми, как Анатолий Ахутин, Юрий Шичалин.

Кяэрику, Эстония. Июнь или июль 1986-го.

Возобновленная (после 1970-го) Летняя школа по вторичным моделирующим системам. *Сидят:* Николай Витальевич Шабуров, Юрий Михайлович Лотман. *Стоят, первый ряд:* Мариэтта Омаровна Чудакова, Татьяна Феодосьевна Владышевская, Георгий Ахиллович Левинтон, Лариса Георгиевна Степанова, Александр Львович Осповат, Роман Давидович Тименчик, Сергей Юрьевич Неклюдов, Юрий Иосифович Левин. *Стоят, второй ряд:* Линнарт Мялль, Борис Андреевич Успенский, Михаил Бениаминович Ямпольский, Мария Борисовна Плюханова, Юрий Гаврилович Цивьян, Григорий Исаакович Ревзин (между Неклюдовым и Левиным чуть сзади)

В 1984 году я ушел из Исторической библиотеки и поступил в аппарат Межведомственного совета по проблеме «Сознание». Руководил нами замечательный человек и ученый Николай Львович Мухелишвили, который много лет потом был моим коллегой и которого мы, к сожалению, в прошлом году потеряли. Это был удивительный интеллектуальный центр, абсолютно свободный. Мы изучали богословские споры – логические и мыслительные ходы на примерах тринитарных и христологических споров, очень много занимались Кьеркегором. Это очень много мне дало – конференции, которые мы проводили в Грузии с 1984 года, люди, которые там участвовали. Некоторых, как Анатолия Ахутина, я уже знал, но были там и Мераб Мамардашвили, Юрий Лотман, Виктор Визгин, Владимир Зинченко, Владимир Калинин, Наталья Кузнецова,

мой друг Гасан Гусейнов (благодаря которому я и поступил в Совет по сознанию, наконец, Юлий Шрейдер – один из отцов советской кибернетики и одновременно богослов. У нас было такое творческое сотрудничество – Мусхелишвили, Шрейдер и я.

Наступили новые времена – конец 80-х годов, можно было заниматься всем. Я начал преподавать в Историко-архивном институте, в 1992 году окончательно сюда перешел. Делом моей жизни стала организация направления «религиоведение». Это была инициатива ректора РГГУ Юрия Николаевича Афанасьева, он захотел организовать лекторий по истории религии, передал через Галину Ивановну Звереву, тогда завкафедрой истории и теории культуры, мне соответствующее предложение. Мы с Галиной Ивановной придумали сделать второе высшее образование – Школу по сравнительному изучению мировых религий, пришли с этим к Афанасьеву, он нашу идею поддержал. Потом появилась кафедра, случился первый набор на специалитет. И да, конечно, эти два человека – Афанасьев и Зверева – сыграли огромную роль в том, что религиоведение в РГГУ состоялось, и им огромная наша благодарность.

Людмила Жукова: *Во многих вузах религиоведение институционально продолжило традиции научного атеизма, а как это было в РГГУ?*

Н. Ш.: В Историко-архивном никогда не было кафедры научного атеизма, мы начинали с нуля. С самого начала мы рассматривали религиоведение не как раздел философии, а как самостоятельное направление. И при всем уважении к философии, у нас основной упор всегда делался на изучении религии в контексте культуры, социальных отношений, на историю религии и на изучение базовых текстов религиозных традиций. На этом мы стоим. Изучение религий является ключом к очень многому – и к культуре, и к искусству, к социальным отношениям. Мы всегда говорим на дне открытых дверей – если ты интересуешься культурой, искусством, историей, приходи к нам, ты все это здесь получишь.

Л. Ж.: *Нет ли у вас опасений, что религиоведение, как когда-то научный атеизм, станет служанкой идеологии?*

Н. Ш.: Подобные опасения скорее могут возникнуть в отношении теологии. Это принципиально разные дисциплины, хотя есть и пересечения. Я, кстати, никогда не был противником преподавания теологии в вузе.

90-е были временем смелых экспериментов, но нам нужно было пройти по лезвию бритвы – отказаться от советской традиции

«научного атеизма», хотя я знаю, что и в этих рамках были достойные исследования. Мы решительно от этого отказались, но в то же время и не собирались падать в объятия клерикализма – именно тогда ведь случился бум религиозности.

С самого начала я и мои коллеги, единомышленники выбрали срединный путь, при том что со всех сторон нам говорили, что религию невозможно изучать объективно – ведь каждый человек либо атеист, либо принадлежит к какой-то конфессии. Но ведь и среди историков есть те, кто придерживается либеральных или консервативных взглядов, в историографии тоже есть место тем или иным пристрастиям, недаром говорят, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. Но есть ведь вполне объективные исторические исследования. Так же и здесь – можно придерживаться разных взглядов, но стремиться к объективности. Осмелюсь сказать, что нам это удалось. Менялись формы – когда-то это было дополнительное образование, потом специалитет, сейчас бакалавриат и магистратура, но суть не менялась. Мир религиоведения был неоднородным и сложным – возникали какие-то объединения, ассоциации – мы старались не участвовать в этом. Мы, конечно, осознавали свою причастность к религиоведческому сообществу, но главное для нас всегда было – учить студентов и вести научную работу. В результате мы создали замечательный коллектив, очень хорошую атмосферу, которая объединяет и преподавателей, и студентов – атмосферу толерантности и терпимости. У нас есть и были люди разных взглядов, и неверующие, и представители разных конфессий, но это никогда нам не мешало, нас объединяло то, что мы понимали отличие между университетской кафедрой с одной стороны, проповеднической кафедрой с другой и политической трибуной с третьей. Опять же держались срединного пути, и мы видим успехи – у нас уже сотни выпускников, которые делают благородное дело. В нашем коллективе немало тех, кто прошел путь от студента до доцента, профессора, доктора наук. И хотя времена изменились, мы надеемся, что сумеем дело наше продолжить.

Л. Ж.: *А современные студенты сильно отличаются от своих предшественников? Студентов 90-х, ваших однокурсников?*

Н. Ш.: Я не вижу больших отличий, я вижу преемство. Мне вообще чужд дискурс, который у некоторых появляется в определенном возрасте – мы, мол, были другие, бескорыстные, любили науку, а нынешние... Ничего подобного! Мы видим студентов, которые исполнены научного этоса. Я смотрю на нынешних студентов и вспоминаю пору своего студенчества – мы были похожи. Так сложилось, что подавляющее большинство моих друзей по

сию пору – в основном с университетских времен. Это короткий период (1970–1975 годы) – самый важный, наверное, в плане моего становления. Часто приходится слышать, что советское образование было лучше, но я так не считаю. Сколько лишних предметов мы были вынуждены изучать – история КПСС, диалектический материализм, исторический материализм, политэкономия капитализма, политэкономия социализма, основы научного коммунизма, марксистско-ленинская эстетика, основы научного атеизма. Были преподаватели, которые и в рамках этих дисциплин старались что-то дельное сказать. Но в целом это отнимало уйму времени. Я не знаю, как было на технических и естественнонаучных факультетах, но нам-то все время напоминали – «вы учитесь на идеологическом факультете», и многое было через эту идеологическую призму. Много этого было, но, конечно, было много достойных ученых, энтузиастов, мы старались создавать островки свободы – у нас к концу 1-го курса возникла компания из 10–12 человек, мы ощущали себя свободными, очень критически относились и к советской власти, и к тому, что нам хотели внушить. Это было такое пространство свободы, и это очень много мне дало. Я наблюдаю современных студентов и вижу гораздо больше общего, чем отличий – отношение к учебе, к науке, отношения друг к другу – вижу необычайную теплоту. Разговоры о том, что сейчас какое-то менее уважительное отношение к преподавателям, – я этого не вижу, и уровень начитанности, знания искусства, музыки такой же, как был у нас, – никакой деградации нету.

Л. Ж.: *Религия вас интересовала только в исторической перспективе? А современная вам религиозная жизнь?*

Н. Ш.: Очень интересовала. Я, с вашего позволения, не буду говорить о собственных религиозных исканиях, хотя это тоже имело место. После второго курса я поставил себе задачу обойти все религии, которые представлены в Москве. За этот мой интерес по головке бы меня в те времена не погладили. Я не планировал, конечно, обойти все православные храмы, но во многих побывал. В Москве был католический собор Святого Людовика, пять староверческих согласий – поповские и беспоповские, была небольшая армянская церковь, молебный дом, который делили между собой баптисты и адвентисты, было две синагоги – на улице Архипова и хасидская в Марьиной роще, и была мечеть на проспекте Мира, на ее месте сейчас построили новую. Я тогда почти все обошел. Очень многое на меня произвело впечатление – например, старообрядцы, крайне интересные встречи были у баптистов, я там обнаружил подпольных пятидесятников, которые тоже посещали

этот молебельный дом. В одно из посещений католической службы я познакомился с молодой супружеской парой – они были пламенные католические неофиты, я несколько лет с ними плотно общался, и это очень много мне дало – с тех пор испытываю уважение к верующим людям, ориентируюсь на диалог, на понимание. У них, помимо прочего, было много литературы как религиозной, так и прочей – они мне дали прочитать «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, его романы.

Л. Ж.: А верующие не относились к вам с подозрением?

Н. Ш.: Нет, очень многое изменилось с советских времен. Тогда отношения между разными конфессиями были лучше, чем сейчас. Они понимали, что все в одной лодке, под давлением атеистического государства. Были такие попытки – все религиозное задвинуть в гетто, отделить от общества. Когда сейчас приходишь к старообрядцам, они могут быть не любезны, могут не пустить в храм, а когда я пришел в первый раз, зашел в Покровский собор на Рогожке, то там сидели бородатые старцы, которые подскочили ко мне, час водили по собору, узнав, что меня интересует старообрядчество. Они были потрясены, что какой-то молодой человек – мне было 20 лет – к ним пришел. О баптистах я уже не говорю. В плане межконфессиональных отношений – в день христианского единства я заглянул к баптистам, и там были православные священники, они выступали, их с интересом слушали. На Пасху к католикам приходил митрополит Ювеналий, я помню, как он выступил перед верующими и сказал – «Христос воскрес», хотя у православных Пасха еще не наступила, хор пропел ему «Многая лета», а польские старушки подходили к нему под благословение. Сейчас трудно подобное представить. Мне удалось обнаружить богатую нелегальную религиозную жизнь, где были свои процессы, где были в том числе известные люди, это был целый мир, и, конечно, он воспринимался как альтернатива той лживой реальности и идеологии, в которой мы жили. Сейчас многие горячие головы, очень негативно относясь к клерикализации, которая у нас случилась, говорят о вине интеллигенции – вы виноваты, чего вы сейчас жалуетесь. Приходится слышать нападки на Аверинцева, того же отца Александра Меня. Мне как историку это чуждо, потому что не учитывается исторический контекст. Мне хочется сказать, как когда-то Ахматова – «вас тут не стояло». Совершенно другая была атмосфера, тогда это было очень симпатично. Трудно требовать от людей того времени, чтобы они предвидели, что это выльется во что-то насильственно насаждаемое или в какое-то мракобесие.

Л. Ж.: *А священные тексты насколько были доступны в то время?*

Н. Ш.: Библию я купил, хотя это было непросто. Издавалась она маленькими тиражами и распространялась в узком кругу. В библиотеках Библию старались не выдавать – я-то знаю библиотечную кухню. В каталоге было только одно издание, хотя на самом деле их было много, и если какой-то читатель заказывал, ему говорили: «Извините, у нас один экземпляр, и он на реставрации». Это же касалось других религиозных текстов. Работники Исторички были людьми не очень искушенными, и что-то могло проскочить, а что-то наоборот – был до революции такой журнал, который назывался «Мир божий», посвященный окружающему миру, и его запретили выдавать, хотя никакого отношения к религии он не имел.

Мы очень увлекались русскими религиозными философами, что-то можно было взять в библиотеке – не эмигрантскую литературу, конечно. Кроме того, был самиздат. В религиозных кругах циркулировало много литературы.

Л. Ж.: *Предполагаю, что на ваше становление немало повлияла ваша семья?*

Н. Ш.: Я лучше знаю предков с маминой стороны, мамина семья на меня большее влияние оказала. Так случилось, что до семи лет я рос в Тбилиси с дедушкой – маминым отцом, и тетей – маминой старшей сестрой, а в 10-ти минутах от нас жили моя двоюродная бабушка и ее муж. Собственно, эти четыре человека меня растили. Родители жили в Москве, забирали меня на лето, и окончательно забрали, когда я пошел в школу. Со стороны мамы мы армяне, бабушка и дедушка родились в Сигнахи – это маленький город в Кахетии, который был процентов на 90 населен армянами, хотя вокруг крестьянское население было грузинским. Родным языком для бабушки и дедушки был грузинский, до школы дедушка не знал русского языка. К сожалению, многие документы по истории нашей семьи утеряны – бабушка сожгла их в 1937 году, опасаясь репрессий. Сохранилось случайно несколько документов – генеалогическое древо и некоторые другие бумаги. Согласно семейному преданию, по мужской линии мы исходим от мегрелов – дворян Шавдия. В середине XVIII века мой предок Шабур Шавдия был захвачен лезгинами и увезен в плен, затем освобожден и оказался в Ахалцихе, тогда населенном преимущественно армянами. Он женился на армянке, перешел из православной в армянскую церковь и таким образом стал армянином. Так мы стали армянами. Дед моего деда подписывался «Шабуришвили», а дедушка уже был Шабуров

(а в свидетельстве о рождении – Шабурянц). Я тут посмотрел фильм Парфенова о семье Романовых, и в нем он сказал, что у несчастного царевича Алексея была 1/256 русской крови. Я стал подсчитывать и обнаружил, что у меня мегрельской крови – 1/128. Еще такой забавный момент – когда Грузию присоединили к России, оказалось, что в Грузии какой-то гигантский процент дворян, и власти потребовали в течение некоего срока представить документы, доказывающие дворянство. У тех, кто не смог этого сделать, дворянство аннулировалось. И таких было много. Подозреваю, что это случилось с моими предками, потому что мой прапрадед подписывался «Григорий Шабуришвили, доказывающий дворянское достоинство», а затем стал подписываться «дворянин». Одним из доказательств было генеалогическое древо, которое у меня хранится. Григорий Шабуришвили был врачом при дворе владетельной княгини Мегрелии Дадиани. Ее дочь вышла за сына наполеоновского маршала Мюрата, и он подарил Григорию свой портрет, к сожалению, впоследствии он был утрачен.

Дедушка учился в коммерческом училище в Тифлисе, и к тому времени уже знал русский язык в совершенстве. Армянский язык дедушка знал благодаря урокам Закона Божьего. К слову, о «пользе» клерикализации – Закон Божий никто не любил, класс делили – грузины и русские шли к православному священнику, армяне – к армянскому, и все завидовали евреям, которые шли домой.

В юности дедушка со своей мамой и братом съездил в Вену – и это была его единственная поездка за границу. Он закончил Петербургский политехнический институт, обвенчался с бабушкой в армянской церкви на Невском проспекте. У дедушки было трое детей – две дочери и сын Николай, который погиб на фронте незадолго до победы – в марте 1945-го. Меня называли в его честь, и в его же честь я ношу мамину фамилию.

По линии отца мои предки евреи, об этой части семьи я знаю меньше. Дедушка в 1918 году в возрасте 13 лет записался в Красную армию, выдав себя за пятнадцатилетнего, а в 15 лет вступил в партию. Насколько я знаю, он так и работал по «партийной линии», какое-то время возглавлял колхоз. А в 1941 году у него случился инсульт, его разбил паралич, и умер он в 1950 году. Бабушка всегда подчеркивала, что муж ее был из бедной семьи, а она из зажиточной – ее отец был управляющим мельницей. Родилась она в Екатеринославле, ныне это город Днепр в Украине. Тоже была пламенной комсомолкой и коммунисткой. Она была очень добрым человеком, до конца с пиететом относилась к советской власти, а молодежь в семье за это над ней подтрунивала. Иногда, увлекшись, мы, как Остап Бендер, обвинявший ксендзов в печальной участи Галилея, обвиняли бабушку во всех грехах советской власти. Но она была

Фотография около 1870 года.
В центре прапрадед Григорий Иванович Шабуров (Шабуришвили).
Слева от него его дочь Екатерина и его мать Елизавета.
Справа – сын (прадед Н.В. Шабурова) Иван,
дочь Ева и жена Григория Анна

Слева на право:
отец – Виталий Ральф,
дедушка Соломон Шабуров
с внуком Николаем,
мама – Мария Шабурова

В центре бабушка Мария Ральф,
вверху справа –
дед Михаил Ральф,
вверху слева – его брат Марк;
ребенок внизу слева – Виталий
(отец Н.В. Шабурова),
ребенок внизу справа – Нелли

очень толерантной, навязывать свои взгляды не пыталась. Увлечшись религиозными темами, я пытался ее расспрашивать о родительской семье. «Мы были хасиды», – сказала бабушка, а когда я спросил про дедушку, презрительно ответила: «Это была голь перекатная, кто знает, кем они были».

Среди моих предков были, таким образом, иудеи, православные, армяно-григориане и даже католики. Про католических предков есть смешная история. Моя прабабушка была по рождению католичкой, а история связана с ее дедушкой – Карпетом, цирюльником, жившим в середине XIX века. Он неожиданно стал утверждать, что является подданным императора Наполеона III. Все дело в том, что католиков по-грузински и по-армянски называли «франги», как и французов, и Карпет решил, что раз он «франги», то бишь француз, то и подданный Наполеона III. Заодно он переименовал себя в Карла.

Л. Ж.: *Как вы думаете, как эта семейная история повлияла на формирование вашей идентичности?*

Н. Ш.: Трудно сказать, как это на меня повлияло. Мне жаль, что я мало знаю про предков со стороны отца. Я очень трепетно отношусь к тому небольшому количеству документов, которые у меня есть. Несколько лет назад я стал интересоваться мегрелами, мне приятно, что мегрельский язык сохранился, хотя в школах его не изучают, а вот в семьях говорят.

С идентичностью сложно. В паспорте я был записан как «армянин» и так себя и ощущал. Но еврейская идентичность тоже была – особенно она оживилась в связи с национальным подъемом после Шестидневной войны. А потом я осознал, что я все же космополит, для которого это все важно и интересно, но та или иная солидарность возникает с теми, кого преследуют. Когда я беседую с азербайджанцем, например, то говорю, что я армянин, с арабом – еврей. Жена моя наполовину грузинка, наполовину русская, соответственно, у дочерей по четвертинке разных кровей. Муж моей младшей дочери – наполовину коренной американец из племени навахо, наполовину афроамериканец, так что внучка и вовсе воплощение глобализации нашего мира.

Интервью провела Людмила Г. Жукова